

Е. А. Салиас

Герой своего времени

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. А. Салиас**
Герой своего времени / Е. А. Салиас – М.: Книга по Требованию, 2021. – 508 с.

ISBN 978-5-458-52659-3

ISBN 978-5-458-52659-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Но если у вертопраха и кутилы было много враговъ, то было и много друзей среди молодежи гвардіи, а равно и въ средѣ людей пожилыхъ и почтенныхъ. Если нѣкоторые изъ нихъ были ложными друзьями изъ личныхъ выгодъ, чтобы пользоваться его средствами или чрезъ него фаворомъ его отца, то были люди, искренно его любившіе... всего болѣе, конечно, молодежь - офицеры... Шумскій былъ „хорошій товарищъ“ — терминъ, все извинявшій и непонятный статскому... Молодой офицеръ получалъ отъ своего отца достаточно денегъ, чтобы жить очень широко, и тѣмъ не менѣе дѣлалъ долги. Одни эти сборища товарищей по вечерамъ стоили дорого, а между тѣмъ это былъ самый меньшій изъ его расходовъ. Всего болѣе уходило на кутежи въ трактирахъ и на карты. Шумскій не любилъ азартныхъ игръ, но игралъ поневолю, такъ какъ это было принято, было модой. Молодой человекъ, не играющій или не пьющій, подвергался всеобщимъ насмѣшкамъ товарищей и почти презрѣнію. Всякій офицеръ обязанъ былъ пить, играть и любовныя шашни имѣть...

Въ этотъ вечеръ въ квартирѣ общаго пріятеля и „кормильца“, Михаила Андреевича, было менѣе шумно и менѣе людно; чѣмъ обыкновенно. Нѣкоторые изъ друзей, заглянувъ сюда предъ полночью, уѣхали, а оставшіеся размѣстились въ двухъ горницахъ и, переговариваясь вполголоса, вели себя нѣсколько сдержанно и мало пили.

На это была немаловажная причина. Хозяинъ былъ не въ духѣ, озабоченъ и слегка гнѣвенъ. А когда Шумскій бывалъ въ такомъ настроеніи духа, то былъ придирчивъ, оскорблялъ безъ всякаго повода, а иногда и просто выгонялъ отъ себя и переставалъ знаться и кланяться.

Всѣ товарищи, которые были по своему положенію независимы отъ него, разумѣется, избѣгали его въ такія минуты, не желая подчиняться его нелѣпнымъ вспышкамъ и причудамъ и равно не желая изъ-за пустяковъ ссориться. Оставались и сносили все покорно тѣ изъ пріятелей, которые были въ зависимости, пользовались деньгами или покровительствомъ аракчеевскаго баловня.

Въ одной изъ горницъ побольше, вокругъ стола, на которомъ перемѣшались въ безпорядкѣ посуда, бутылки и остатки ужина, сидѣло человекъ пять офицеровъ безъ сюртуковъ, съ длинными чубуками въ рукахъ. Почти всѣ курили, и дымъ сплошнымъ облакомъ нависъ и стоялъ надъ столомъ и головами собесѣдниковъ.

Общій говоръ прекратился давно, и всѣ молчаливо слушали тихое и мѣрное повѣствованіе плотнаго и толстолицаго офицера, съ брюшкомъ, извѣстнаго рассказчика въ столицѣ. Это былъ семеновецъ, уроженецъ Кіева, полурусскій, полухохоль, добродушный, умный, подчасъ очень острый человекъ, капитанъ Ханенко.

Онъ рассказывалъ о Сибири, гдѣ прожилъ два года...

Въ сосѣдней горницѣ было также тихо, хотя и тамъ сидѣло у зеленаго стола около полдюжины игроковъ. Банкометъ полякъ, Бышевскій, молча и даже на видъ угрюмо сидѣлъ неподвижно въ

большомъ креслѣ и только правая рука его едва-едва шевелилась, выбрасывая карты направо и налево... Понтеры кругомъ стола, кто сидя, кто стоя, лишь изрѣдка выговаривали однозвучно по два, по три слова, почти исключительно термины игры или цифру куша, ставки... или просто бранное слово... На этотъ разъ здѣсь играли не ради удовольствія и не ради корысти, а въ силу привычки и чтобы убить время. Главные вожаки - картежники отсутствовали, а богачи, часто въ пухъ проигрывавшіеся у Шумскаго въ квартирѣ, тоже разѣхались по другимъ вечеринкамъ.

II.

Въ третей, угловой и маленькой горницѣ, спальнѣ, съ огромною кроватю краснаго дерева, гдѣ могли улечься просторно три человѣка, сидѣлъ за столомъ молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, и медленно писалъ, тихо, какъ бы бережно, выводя буквы; около него былъ на столѣ нетронутый ужинъ— два блюда и нераскупоренная бутылка вина.

Онъ уже давно угрюмо писалъ письмо, часто останавливался; задумывался и, какъ бы вдругъ придя въ себя, почти съ удивленіемъ взглядывалъ на листъ бумаги и на гусиное перо, которое вертѣлъ въ рукѣ и бессознательно грызъ зубами.

Это былъ самъ хозяинъ квартиры, Михаилъ Шумскій. Лицо его, чистое, но нѣсколько смуглое, было бы красиво, если бы не какая-то сухость во взглядѣ и въ тонкихъ, вѣчно сжатыхъ губахъ. Пронзительно неприязненный взглядъ карихъ глазъ и легкая полуулыбка, или скорѣе складка, въ этихъ стиснутыхъ губахъ, дерзкая, презрительная, даже ядовитая—производили неприятное впечатлѣніе...

При знакомствѣ, съ перваго разу, всегда, всякому казался онъ крайне злымъ человѣкомъ, чего не было на дѣлѣ. Онъ былъ „добрый малый“, дѣлавшій иногда зло изъ распушенности, необдуманно, бессознательно, съ легкимъ сердцемъ и спокойною совѣстью. Онъ не привыкъ и не умѣлъ себя сдерживать ни въ чемъ и увлекался былъ равно способенъ и на чрезвычайно доброе дѣло, и на безобразно-злой поступокъ, не честный или даже жестокий...

Теперь онъ уже давно сидѣлъ тутъ одинъ...

Послѣ глубокаго и долгаго раздумья Шумскій снова пришелъ въ себя и, увидя писанье свое и перо, нетерпѣливо дернулъ плечами.

— Ахъ, чортъ его побери! — вымолвилъ онъ едва слышно. — Эти посланія хуже всякой каторги. И какой лѣшій выдумалъ грамоту! А главное, какъ писать, когда нечего сказать... Какого чорта я ему скажу?!.. Написать ему вчерашнія Петькины вирши: „Я бѣ васъ любилъ и уважалъ, когда бѣ въ могилу провожалъ“...

И обождавъ немного, Шумскій написалъ двѣ строчки, расписался и такъ расчеркнулся, что перо скрипнуло, хрястнуло и, прорѣзавъ бумагу, забрызгало страницу сотней мелкихъ чернильныхъ крапинокъ.

— Ну, ладно... переписывать не стану! — воскликнулъ онъ и,

тотчасъ же положивъ письмо въ конвертъ, крикнулъ громкимъ звучнымъ голосомъ:

— Эй! Копчикъ!

Черезъ мгновенье явился въ горницу молодой малый, лѣтъ 18-ти, красивый и бойкій, и нѣсколько фамиллярно подошелъ къ самому столу, гдѣ писалъ Шумскій. Это былъ его любимецъ, крѣпостной лакей Василій, прозвищемъ „Копчикъ“, не такъ давно прибывшій изъ деревни, но быстро осмѣлѣвшій и „развернувшійся“ среди столичной жизни.

— Что изволите?—выговорилъ онъ улыбаясь.

— Что они тамъ?..

— Ничего-съ.

— Никто еще не уѣхалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Поѣли, попили, а еще сидятъ,—вымолвилъ лакей, снова лукаво улыбаясь. — Знать до васъ дѣло какое еще есть. Пережидаютъ.

— Ну, это дудки! Вызови мнѣ тихонько Квашнина.

Черезъ минуту въ спальню вошелъ высокій, стройный, бѣлокурый голубоглазый офицеръ въ мундирѣ Преображенскаго полка...

Это былъ первый пріятель Шумскаго и вѣроятно потому, что былъ совершенною его противоположностью, его антиподомъ, и внѣшностью, и характеромъ, и привычками.

Все было въ Квашнинѣ пріятно, ласково, какъ-то мягко... Мягкій взглядъ большихъ и добрыхъ глазъ, мягкость въ голосѣ и во всѣхъ движеніяхъ. Онъ даже ходилъ и двигался тихо и плавно, точно осторожно и мягко ступалъ ногами, какъ бы вѣчно опасаясь поскользнуться и спотыкнуться.

Этотъ же самый голубоглазый офицеръ, съ яркимъ румянцемъ на бѣлыхъ какъ снѣгъ щекахъ, былъ „золотой человекъ“ во всякомъ затруднительномъ обстоятельстве, во всякомъ мудреномъ дѣлѣ. Онъ обладалъ даромъ, какъ говорили товарищи, развязывать гордіевы узлы. Много бѣдъ многимъ его пріятелямъ сошли даромъ съ рукъ благодаря вмѣшательству и посредничеству Пети Квашнина.

— Ты чего меня? — кротко и кратко выговорилъ онъ, входя и приближаясь...

— Который часъ?..

— А это что?—отозвался Квашинъ, указывая пріятелю на большіе часы, которые висѣли на стѣнѣ прямо противъ него.—Это ты за этимъ звалъ, чтобы узнать, гдѣ часы висятъ?!.. Гляди вотъ они... третій часъ... давно по домамъ пора.

— Нѣтъ... присядь... мнѣ нужно... видишь ли, у тебя спросить...—началъ Шумскій страннымъ голосомъ, не то серьезно, не то шутливо. Глаза его сіяли грустнымъ свѣтомъ, а полуулыбка на губахъ скользнула такъ, какъ если бы онъ собирался разсмѣяться громко и весело.

— Ну, спрашивай.

— Ты сядь... сядь прежде...

— Да нѣшто дѣло какое?
— Дѣло, братецъ, да еще какое!..
— Ночью... вдругъ...
— Да, вдругъ... и ночью... Ты не переспрашивай, а слушай. Совѣтъ мнѣ твой нуженъ.

— Совѣтъ... А? Знаемъ... не впервой... Хочешь, чтобы я тебѣ отсовѣтовала худую затѣю, для того чтобы все-таки, наплевавъ на мой резонъ, поступить по-своему... Не впервой... Ну, говори, что еще надумалъ. Спалить все адмиралтейство, что ли?..

— Нѣтъ, ты не отгадчикъ, Петя... Я хочу у тебя спросить, гдѣ мнѣ достать такого питья, отъ котораго спятъ люди...

— Въ аптекѣ... А то и отъ вина спится тоже...

— Ты не балагурь. Мнѣ нужно это. Какъ оно зовется?... Сонное питье... сонный порошокъ, что ли? Ну? Дурманъ, что ли? Мнѣ надо опить одну милую особу... Понятно сказалъ, кажется...

— Это ужъ не чухонку ли?—воскликнулъ офицеръ.

— Квашинь! — вдругъ выговорилъ Шумскій глухо. — Я тебѣ два раза запрещалъ...

Но голосъ молодого человѣка оборвался отъ прилива мгновеннаго гнѣва. Лицо слегка исказилось, и губы дрогнули...

— Вона какъ! — удивился Квашинь и, пристально взглянувъ въ лицо пріятеля, онъ прибавилъ своимъ мягкимъ и успокоительнымъ голосомъ:

— Прости, Миша... Я вѣдь только сейчасъ понялъ. Я все думалъ, что это у тебя простая зазноба, какихъ сотни бываютъ... А ты видимо всѣмъ сердцемъ вторился... Прости, дальше такъ называть ее не буду... Ну, сказывай...

— Да... Это она... Ее мнѣ надо такъ взять...

— Это распробезумнѣйшая затѣя!.. На этомъ ты, какъ кувшинъ, и голову сломишь! — тревожно выговорилъ Квашинь. — И отецъ твой тебя не помилуетъ и отъ государева гнѣва не упасетъ. Полно, Михаилъ Андреевичъ! Ты знаешь, что я въ этихъ дѣлахъ на всѣ руки. Сами вы меня называете любовныхъ дѣлъ мастеромъ. Но это... Но такое дѣло... Съ баронессой!.. Оскорби барона, онъ бросится къ государю, а государь за графа возьметса, а твой отецъ за тебя... А ты въ Ставрополь съ черкесами драться улетить съ фельдъегеремъ...

Наступило молчаніе. Квашинь глядѣлъ въ лицо друга во всѣ глаза, широко раскрытые и удивленные, а Шумскій понурился и задумался.

— Что жъ я буду дѣлать?—выговорилъ онъ наконецъ. — Я ее такъ полюбилъ, какъ еще никогда мнѣ любить никого... и во снѣ не грезилося...

— Любишь, а бѣгаешь отъ нея какъ чортъ отъ ладана... Не понимаю!..

— Какъ бѣгаю?!—удивился Шумскій и, вдругъ спохватившись, прибавилъ:—Да... да, помню... Это въ собраньи-то?!..

— Вѣстимо. Когда я тебѣ сказалъ, что баронъ съ дочерью при-

вхали, ты бросилъ совсѣмъ невѣжливо свою даму среди танца и выскочилъ изъ собранія какъ укушенный или какъ прямо бѣшенный.

Шумскій началъ весело смѣяться.

— Странная любовь,—продолжалъ уже шутливо Квашнинъ.— Мы когда любимъ, льнемъ къ нашему предмету, любезничаемъ, всюду выслѣживаемъ, чтобы какъ повидаться... А ты — наоборотъ... А когда баронъ былъ съ дочерью приглашенъ государемъ смотрѣть парадъ, кто вдругъ оказался больнымъ и ушелъ съ плаца... Ты думаешь, я этого не замѣтилъ и не понялъ?

— Какъ?!—удивился Шумскій.

— Такъ! нешто я вру... Развѣ этого не было?

— Было. Но никто этого мнѣ такъ еще не объяснялъ, ты одинъ замѣтилъ.

— Такъ стало вѣдь правда,—воскликнулъ Квашнинъ,—что ты отъ баронессы Евы бѣгаешь, какъ чортъ отъ ладана? Ветхозавѣтный чортъ совсѣмъ, братецъ мой, иначе поступилъ съ первой „имени сего“ особой.. Онъ не бѣгалъ отъ нея, а за ней ползалъ въ видѣ змѣя, пока не совратилъ съ пути истиннаго.

— Вотъ и я такъ-то хочу теперь не бѣгать отъ нея, а, обратясь тоже въ змѣя, тоже...

— Да. И будетъ то же... Тѣхъ изъ рая выгнали, а тебя изъ Петербурга выгонять. Брось, родной мой. Ей Богу, брось!—ласково произнесъ Квашнинъ.—Вѣдь это одно баловничество! Не повѣрю я, чтобы можно было человѣку безъ ума влюбиться въ какую ни на есть красавицу, когда онъ ее раза три издали видѣлъ и ни разу съ ней не разговаривалъ. Когда и представлялся случай, такъ удиралъ отъ предмета своего какъ ошпаренный котъ изъ кухни. Все это Михайлъ Андреевичъ въ романахъ твоихъ французскихъ, что ты почитываешь, такъ расписано... А въ жизни нашей, истинной человѣческой, такъ не бываетъ. Вздохать издали на возлюбленную мы уже не можемъ, какъ наши дѣды могли..

— Ну вотъ что, Квашнинъ. Ты ходокъ по любовнымъ дѣламъ. Мастеръ? А? Правда?..

— Полагаю, что не хуже васъ всѣхъ,—нѣсколько самодовольно отозвался офицеръ.

— Ты мастеръ... Учитель... Насъ всегда обучаешь... такъ вѣдь? Ну вотъ что... задамъ я тебѣ загадку... Я всякій разъ, что встрѣчаю барона Нейдшильда съ Евой, гдѣ бы то ни было, спасаюсь отъ нихъ бѣгомъ, какъ очумѣлый какой... Я признаюсь въ этомъ. И ты это видѣлъ самъ. Видѣлъ еще недавно на балу въ собраніи. Такъ вѣдь? Правда?

— Да. Я же тебѣ это и замѣтилъ.

— Ну, а вмѣстѣ съ тѣмъ, братецъ мой, я всякій почти день выдаю Еву и всякій разъ подолгу съ ней бесѣдную... Оттого я въ вес такъ и влюбленъ. Разрѣши эту загадку.

— Ничего не понимаю! Бѣгаю... выдаю всякій день?..

— Повторить, что ли?

— Зачѣмъ повторять. Слова я понялъ. Но если ты выдаешься

съ ней всякій день, отчего же ты всегда избѣгаешь ихъ? Даже на Невскій не идешь, когда тебя зовутъ гулять днемъ, во время катанья, боясь встрѣчи... Вѣдь и это я замѣтилъ... Ничего не понимаю. Больно уже хитро. Что же, стало быть, ты тайкомъ отъ ея отца выдаешься съ ней?..

— Нѣтъ и отца, барона, выдаю всякій день, и ее.

— Ничего не понимаю... Понимаю только, что вы можете быть влюблены другъ въ друга, если выдаетесь часто.

— Я въ нее... Да... безъ памяти я люблю ее!—выговорилъ Шумскій измѣнившимся голосомъ.—Но она меня... она?!

— Ну... еще пуще...

— Ни капли... ни на волосъ не любить...

— Что-о?—протянулъ Квашиниъ.

Шумскій не отвѣтилъ ни слова, слегка отвернулся отъ пріятеля и, схвативъ со стола брошенное перо, началъ его грызть. Сильное волненіе скользнуло по лицу его. Глаза сверкнули и померкли тотчасъ...

— Въ этомъ-то все и дѣло!—вымолвилъ наконецъ Шумскій глухо.—Ну и давай мнѣ...

Онъ загнулся и выговорилъ какъ бы со злобой:

— Давай... дурману.

— Ну нѣтъ, братецъ мой... Въ такомъ безумномъ и погибельномъ дѣлѣ я тебѣ помогать не стану!—рѣшительно произнесъ Квашиниъ вставая.—Я тебя слишкомъ люблю. Да я и не знаю, по правдѣ сказать, гдѣ достать, у какой такой колдуньи, такое снадобье, чтобы опонть дѣвицу... А потомъ еще скажу... Прости за откровенное слово... Я, въ жизни случалось, одолѣвалъ свой предметъ нахрапомъ, врасплохъ, чуть не силкомъ. Но опанвать и въ мертвомъ состояніи ее... Пѣтъ, прости, Михаилъ Андреевичъ. Это совсѣмъ мерзостно!.. Да и ты только такъ говоришь, а и самъ на такое не пойдешь.

— У меня нѣтъ иного способа... Я ее люблю до страсти, до потери разума!—воскликнулъ Шумскій.—А она на меня и сморѣтъ не хочетъ... Она со мной охотно бесѣдуетъ и ласкова, любезна... Но чуть я единымъ словомъ промолвилось объ моей къ ней любви, она такъ и застынетъ, такъ ее и поведетъ всю или скорчить, будто ледяной водой окатили съ головы... Что жъ мнѣ дѣлать? Ну разсуди...

Наступило молчаніе. Квашиниъ пожалъ плечами, вздохнулъ и двинулся...

— Куда же ты?

— Домой... три часа... Да и всѣхъ пора разогнать. Они рады у тебя до слѣдующаго дня сидѣть... Будешь завтра на позорищѣ?.. Ну, на этомъ представленьи новыхъ нѣмецкихъ паяцовъ, что балаганъ поставили на Дворцовой площади?

— Нѣтъ, не буду...

— Отчего? Весь городъ собирается, билеты всѣ уже съ недѣлю разобраны! Да и у тебя билетъ взять...

— Не могу. И радъ бы, да нельзя. Она съ отцомъ тамъ будетъ. Вчера сказывала,—отозвался Шумскій задумчиво.

Квашнинъ развелъ широко руками и театральнo наклонился передъ товарищемъ.

— Ничего не понимаю... Видаешь обоихъ, и отца и дочь, бесѣдуешь... А когда гдѣ можно повстрѣчать барона или красавицу, бѣжишь какъ отъ кредиторовъ.

— А дѣло, Петя, простое. Проще нѣтъ. Послѣ узнаешь. Ну, пости... И то пора спать. Скажи имъ тамъ, что я уже въ постели... Да... стой. Вотъ еще просьба... Возьми письмо да завтра занеси въ почтамтъ: тебѣ вѣдь мимо...

Квашинъ взялъ конвертъ съ письмомъ со стола и прочелъ адресъ съ именемъ Аракчеева.

— Тятенькѣ!.. Родителю? Небось денегъ просишь?

— А то что же?.. О чемъ мнѣ, кромѣ денегъ, писать этому дураку...

Квашнинъ тряхнулъ укоризненно головой, пожалъ руку Шумскому и плавно вышелъ изъ спальни. Въ квартирѣ было уже пусто, тихо и темно. Гости, не простясь съ хозяиномъ, уже разѣхались.

„Сущій трактиръ!“ подумалъ Квашнинъ.

III.

На утро въ квартирѣ Шумскаго было мертво-тихо до полудня, такъ какъ хозяинъ, поздно, иногда съ разсвѣтомъ, ложившійся спать, вставалъ не ранѣе перваго и втораго часа дня. Обыкновенно проснувшись Шумскій оставался по цѣлому часу въ постели, пилъ чай, принималъ такъ, лежа, завернушаго по дорогѣ пріятеля и болталъ съ нимъ или читалъ книгу. Понѣжившись онъ вставалъ и одѣвался. Копчикъ объявлялъ заѣзжимъ гостямъ двоюко: или „баринъ почиваютъ“, или „баринъ нѣжуются“.

На этотъ разъ въ небольшой горницѣ, около передней, гдѣ стояли шкапы съ платьемъ, мундирами и всякой разнообразной амуницией богатаго офицера, было нѣчто особенное.

Обыкновенно горница эта бывала заперта, или же въ ней возился прибираясь одинъ Копчикъ. Теперь въ ней сидѣла женщина лѣтъ пятидесяти, одѣтая какъ простая дворовая женщина, въ ситцевомъ пестромъ платьѣ и съ повязкой на головѣ. Женщина только что пріѣхала въ это утро въ Петербургъ. Около нея на полу лежалъ простой холщевый мѣшокъ съ пожитками, а на стулѣ ваточная шубка. На столѣ передъ ней стоялъ самоваръ и чайная посуда. Женщина съ видимымъ удовольствіемъ, почти не отрываясь ни на мгновенье, пила чай—чашку за чашкой. Уже около половины самовара перешло въ чайникъ и было ею уничтожено въ видѣ свѣтленькой, желтенькой водицы, конечно съ блюдечка и въ прикуску.

Пзрѣдка въ комнату заходилъ Копчикъ и перемолвившись снова

уходил хлопотать по дому. Хотя у Шумскаго въ квартирѣ было около подюжины всѣхъ людей и два лакея въ горницахъ, но всѣмъ завѣдывалъ Копчикъ; одинъ лакей былъ вѣчно въ городѣ на посылкахъ, справляя разныя порученія барина, а другой неизмѣнно сидѣлъ въ качествѣ швейцара въ передней и не имѣлъ права отлучаться изъ нея.

Приготовивъ все ко времени пробужденія барина, Копчикъ явился снова и спокойно сѣлъ около вновь прїѣзжей.

— Ну, все справилъ... Теперь можно и хлебнуть съ вами чайку,—сказалъ онъ, присаживаясь къ столу.—Такъ какъ же, Авдотья Лукьяновна... Такъ-таки вамъ ничего и не вѣдомо?.. Аль скрыгничаете?

— Чего мнѣ, голубчикъ, отъ тебя скрытничать! Вотъ тебѣ Христось Богъ, ничего не знаю,—отвѣчала женщина.

— И Иванъ Андреичъ ничего вамъ не сказывалъ 'дорогой? Ни, то-ись, ни словечка?—лукаво переспросилъ лакей.

— Говорю тебѣ, прїѣхалъ въ Грузино, побывалъ у Настасьи Ѳедоровны. Меня вызвали, велѣли собраться въ дорогу... А на утро мы въ тарантасѣ съ Иванъ Андреичемъ и выѣхали.

— Чудно. Стало и она тоже, Настасья-то Ѳедоровна, не знаетъ, зачѣмъ васъ баринъ востребовалъ въ Питеръ?

— Полагательно и она не знаетъ.

— А отпустила тотчасъ?

— Она по его слову, своего Мишеньки, дворецъ грузиновскій въ ящикъ уложить и пошлетъ. Только прикажи онъ.

Копчикъ не понялъ и ротъ разинулъ.

— Такъ она сказываетъ, Василий... Дворецъ графскій готова де гостинцемъ въ ящикъ Мишенькѣ переслать.

Копчикъ хотѣлъ снова что-то спросить, но вдругъ бросился со всѣхъ ногъ изъ комнаты... Женщина даже вздрогнула отъ неожиданности.

Черезъ мгновенье Копчикъ вернулся, но оставилъ дверь распертой.

— Почудилось мнѣ, что баринъ позвалъ... Нѣтъ, все еще спить.

— А строгъ онъ съ тобой?.. Взыскиваетъ?—спросила прїѣзжая.

— Д-да!—протянулъ молодой малый.

— А вѣдь какой же добрый онъ, сердечный... Не чета нашимъ господамъ... Этотъ добръющій... Андель!

— Д-да...

— Что такъ сказываешь? Будто не по-твоему...

— Да какъ сказать, Авдотья Лукьяновна... онъ вѣстимо добрый... Но тоже и мудрень. Ужъ и такъ-то это мудрень, что окромя меня никто ему не угодить и всякаго онъ ухлопаетъ... Добрый, а вотъ Макара-то Сергѣева въ Сибирь сослалъ, а Егора рыжого... Сами знаете...

— Это по нечаянности... Иль не въ своемъ видѣ былъ, подгулявши... Такой ужъ случай неприятный.

— Бутылкой по головѣ ахнулъ, въ високъ... Это же какая ужъ нечаянность,—вымолвилъ тихо Копчикъ.

— Говорю... подгулявши былъ...

— Оттого не легче. И теперь онъ часто бываетъ не въ своемъ видѣ. Меня иной разъ, Авдотья Лукьяновна, мысли берутъ... проситься у него домой, въ Грузино... У васъ тамъ не такъ страшно.

Авдотья замахала молча руками.

— Нѣтъ... Право... Не такъ тамъ опасно. Здѣсь — ужаси! Тамъ только графу не надо на глаза лѣзть да дѣло свое исправно дѣлать. Настасья это Федоровна тоже нашего брата молодца мало обижаетъ. Она больше дѣвокъ и бабъ мучительствуетъ. А здѣсь, у него вотъ...—показалъ Копчикъ на растворенную дверь,—бѣда! Здѣсь, Авдотья Лукьяновна, все одно что на войнѣ!

— Э, полно ты врать!—съ замѣтнымъ раздраженіемъ отозвалась женщина.—Вы, холопы, завсегда господами недовольны. На васъ Господь не угодить.

— На этого дьявола воистину самъ Господь не угодить!—вдругъ какъ бы сорвалось съ языка у молодого малаго.

Женщина окрысилась сразу.

— Слышь-ка ты... глупый,—произнесла она громче.—Ты мнѣ такихъ объ Михайлѣ Андреичѣ... рѣчей не смѣй... И слушать-то я тебя не хочу. Дуракъ ты. Вотъ что! Нешто забылъ, что я его кормилица, что я его вспоила и вскормила, выходила и на ножки поставила.

— А отблагодарилъ онъ васъ за это много?..

— Да я не просила. Мнѣ ничего не нужно.

— Самъ бы могъ... Да я что жъ... Я вѣдь такъ къ слову. Всѣ господа таковы. Онъ меня любитъ, привыкъ, балуетъ деньгами и платьемъ, и гулянками... Ну, а случись... не ровень часъ... чѣмъ попало убить какъ Егора можетъ. Вотъ самоваръ этакій, малость поменьше, ужъ въ меня разъ леталъ. Такъ съ кипяткомъ и пролетѣлъ на четверть отъ башки. Не увернися я, былъ бы ошпаренный въ лучшемъ видѣ... А вѣдь это не розги! Не заживетъ въ недѣлю. Этакое на всю жизнь. Сказывали мнѣ, безъ глазъ могъ меня оставить, кабы кипяткомъ въ рыло хлестнуло...

— Все-то враки... Не видали вы настоящихъ-то господъ грозныхъ!—недовольнымъ голосомъ отозвалась Авдотья.—Важность самоваръ...

Копчикъ хотѣлъ отвѣтить, но до горницы явственно донесся олоסף барина, звавшего изъ спальни. Лакей бросился со всѣхъ ногъ.

Авдотья тоже встала, оправилась, потомъ поправила платокъ а головѣ и, ставъ у окна, задумалась, подперевъ рукой подбородокъ.

У женщины этой было правильное и выразительное лицо, и видно было, что когда-то она была очень недурна собою. Въ лицѣ я была тоже какая-то суровость и сухость, взглядъ, когда она задумывалась, тоже становился пропитательно черствый, точь въ

точь такой, какъ у ея любимца-дитятки, у котораго она была кормилицей и няней и котораго теперъ обожала не менѣ своей барыни Настасьи Федоровны.

За послѣдніе годы ея дорогой и „ненаглядный барчонокъ“ Миша жилъ въ Петербургѣ, она меньше и рѣже видѣла его. Когда онъ пріѣзжалъ на побывку къ отцу-графу въ его имѣніе, близъ Новгорода, Грузино, то Авдотья съ трудомъ удавалось разъ въ день повидать Шумскаго, и то все-таки издали. Пускаться въ бесѣдованія съ бывшей кормилицей Шумскій не любилъ. Простая дворовая женщина, хотя и умная, хотя и обожавшая его, часто прискучивала ему когда-то своими вѣчными нѣжностями. И Шумскій теперъ не любилъ даже встрѣчать глазами любящій взглядъ этой женщины; видѣть и чувствовать его на себѣ было ему почему-то тяжело. Женщина, очень смышленная и даже проникательная, видѣла и понимала, что баринъ тяготится ея „глупою любовью“, и поневолѣ старалась быть сдержаннѣе, не наскучивать ему ласковыми словами и прозвищами какъ бывало прежде, когда ему было лѣтъ 18 и онъ еще жилъ въ Грузинѣ.

Но съ каждымъ годомъ холодность въ отношеніяхъ бывшей кормилицы съ бывшимъ питомцемъ все увеличивалась. Шумскій уже наконецъ не дѣлалъ почти никакого различія между прежней мамкой и другими дворовыми своего отца. Когда-то онъ звалъ ее „Дотюшка“, передѣлавъ дѣтскимъ языкомъ имя Авдотьюшка, даваемое ей его матерью. Теперъ же онъ просто называлъ ее Авдотьей.

Часто женщина горевала, изрѣдка плакала, видя, что питомецъ совсѣмъ разлюбилъ ее, но обвиняла не его, а себя самое. Стало быть, она сама, глупая баба, не сумѣла сохранить любовь ненагляднаго Миши. Иногда она утѣшалась мыслью, что всѣ молодые люди въ „господскомъ состояніи“ гнушаются своихъ мамокъ, когда подрастутъ и „выйдутъ на волю“ и столичное житье-бытье.

„Что ему во мнѣ дурѣ-бабѣ! Ни сказать я ничего не умѣю, ни понять и разумѣть его барскихъ мыслей не могу. Онъ—офицеръ,—а я крестьянка“.

Такъ утѣшала себя женщина, но чуяла сердцемъ, что лжетъ сама себѣ, желая оправдать неблагохарнаго.

За послѣдній пріѣздъ молодого человѣка въ Грузино среди лѣта Авдотья нѣсколько разъ видѣлась съ своимъ питомцемъ, но онъ даже ни разу не поговорилъ съ ней ни о чемъ, даже не спросилъ, что бывало недавно, какъ ей живется-можетъ. Онъ говорилъ при встрѣчѣ въ саду или на дворѣ: „А, здравствуй!“ и проходилъ мимо, не заглянувъ ей даже въ лицо.

Однажды, при второй встрѣчѣ, послѣ своего пріѣзда, онъ даже кольнулъ нечаянно въ самое сердце свою бывшую мамку. Сказавъ: „здравствуй“, онъ прибавилъ неувѣреннымъ голосомъ:

— Ты вѣдь Авдотья, кажется... Та, что къ собачонкамъ Настасьи Федоровны приставлена?..

Женщина застыла на мѣстѣ, ничего не отвѣтила, въ ней духъ захватило отъ этихъ словъ. А онъ прошелъ мимо...